

УДК 343.2/7

Научная специальность 5.1.2, 5.1.4

<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2023-2-34-28-39>

ISSN: 2542-0259

© Российское конкурентное право
и экономика, 2023

Законодательная регламентация оснований уголовной ответственности за антиконкурентные соглашения в государствах — членах ЕАЭС

Тесленко А.В.,

Московский государственный
юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
ФАС России¹,
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 11

Аннотация

1 января 2015 г. на смену Евразийскому экономическому обществу, существовавшему с 2001 г., пришел Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который к настоящему времени в качестве государств-членов входят Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения и Кыргызская Республика².

Учреждая международную организацию региональной экономической интеграции, стороны, подписавшие Договор о Евразийском экономическом союзе³, провозгласили стремление к укреплению экономики государств — членов ЕАЭС и обеспечению их гармоничного развития и сближения, а также гарантированию устойчивого роста деловой активности, сбалансированной торговли и **добросовестной конкуренции**. Более того, в ч. 1 ст. 1 Договора отмечается, что в рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение **скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики**.

С учетом изложенного весьма перспективным представляется углубленное изучение системы мер уголовной ответственности за одно из самых серьезных посягательств на конкуренцию — антиконкурентные соглашения в указанных странах.

В статье представлены результаты компаративистского анализа законодательств государств — членов ЕАЭС в части законодательной регламентации оснований уголовной ответственности за различные ограничивающие конкуренцию соглашения.

Ключевые слова: картель; антиконкурентные соглашения; ограничивающие конкуренцию соглашения; ограничение конкуренции.

Для цитирования: Тесленко А.В. Законодательная регламентация оснований уголовной ответственности за антиконкурентные соглашения в государствах — членах ЕАЭС // Российское конкурентное право и экономика. 2023. № 2 (34). С. 28–39, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2023-2-34-28-39>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

¹ Позиция автора может не совпадать с официальной позицией ФАС России.

² Ряд стран присоединился к ЕАЭС в качестве наблюдателей (Республика Молдова, Республика Узбекистан, Республика Куба).

³ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (Дата обращения: 22.02.2023).

Legislative Regulation of the Grounds of Criminal Liability for Anti-Competitive Agreements in the Countries of the Eurasian Economic Union

Anton V. Teslenko,
Competition Law of Kutafin
Moscow State University (MSAL),
FAS Russia,
Sadovaya-Kudrinskaya str., 11,
Moscow, 125993, Russia

Abstract

From January 1, 2015, the Eurasian Economic Community, which existed since 2001, is being replaced by the Eurasian Economic Union, which currently includes the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Armenia and the Kyrgyz Republic.

When establishing an international organization for regional economic integration, the parties that signed the Treaty on the Eurasian Economic Union noted in the text of the agreement the desire to strengthen the economies of the member states of the Eurasian Economic Union and ensure their harmonious development and convergence, as well as guaranteeing sustainable growth in business activity, balanced trade and *fair competition*. Moreover, in part 1 of Article 1 of the Treaty it is noted that within the framework of the Union, the freedom of movement of goods, services, capital and labor, *the conduct of a coordinated, agreed or unified policy in the sectors of the economy*, is ensured.

In view of the foregoing, it seems very promising to study in depth the system of measures of criminal liability for one of the most serious infringements on competition — anti-competitive agreements in these countries.

The article presents the results of a comparative analysis of the legislation of the EAEU member states in terms of the legislative regulation of the grounds for criminal liability for various agreements restricting competition.

Keywords: carte; anti-competitive agreements; agreements restricting competition; restricting competition.

For citation: Teslenko A.V. Legislative regulation of the grounds of criminal liability for anti-competitive agreements in the countries of the Eurasian Economic Union // Russian Competition Law and Economy. 2023;(2(34)):28-39, (In Russ.), <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2023-2-34-28-39>

The author declare no conflict of interest.

Современное уголовное законодательство всех стран — членов ЕАЭС закономерно включает уголовно-правовые запреты на различные посягательства на конкуренцию⁴. Речь, прежде всего, идет о заключении и реализации картельных соглашений как самых серьезных посягательствах на конкуренцию.

Тождественность наблюдается и в определении законодателями стран — членов ЕАЭС места соответствующих запретов в системе Особенной части уголовных кодексов (гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), гл. 8 «Уголовные правонарушения в сфере экономической

⁴ Сформулированные (за исключением Республики Беларусь) в первоначальных редакциях во многом «с опорой» на ст. 265 Модельного уголовного кодекса, принятого 17 февраля 1996 г. Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ. — *Прим. авт.*

деятельности» Уголовного кодекса Республики Казахстан (УК РК)⁵, гл. 32 «*Экономические преступления»* Уголовного кодекса Республики Армения (УК РА)⁶, гл. 25 «*Преступления против порядка осуществления экономической деятельности»* Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ)⁷, гл. 31 «*Преступления против порядка осуществления экономической деятельности»* Уголовного кодекса Кыргызской Республики (УК КР)⁸).

Такое единство объясняется как схожестью подходов законодателя к структурированию уголовного закона и построению нормативной классификации преступлений, так и особенностями понимания правотворцами государств — членом ЕАЭС сути рассматриваемых общественно опасных деяний.

Вместе с тем в регламентации существенных признаков соответствующих составов преступлений, нашедшей отражение в текстах действующего УК РФ и его зарубежных аналогов, имеются не только сходные черты, но и отличительные особенности.

Различия обнаруживаются уже в названии соответствующих статей — действующая редакция ст. 178 УК РФ именуется «*Ограничение конкуренции»*, в свою очередь, ее зарубежные аналоги называются иначе — «*Монополистическая деятельность»* в Республике Казахстан (ст. 221), «*Антиконкурентная деятельность»* в Республике Армения (ст. 284), «*Установление или поддержание монопольных цен»* в Республике Беларусь (ст. 245) и «*Монополистические действия и ограничение конкуренции»* в Кыргызской Республике (ст. 216).

Такое разнообразие обусловлено, прежде всего, разницей в составах преступлений, закрепленных указанными статьями⁹. Анализ соответствующих различий приводит к справедливому выводу С.В. Максимова и К.А. Утарова о том, что «*в настоящее время в “общем экономическом доме”, каковым является ЕАЭС, есть зоны почти полной безответственности за то, что*

подлежит уголовному преследованию в соседнем государстве, являющемся членом ЕАЭС, или, напротив, повышенной уголовной репрессии в отношении монополистов» [11, с. 55].

Так, перечень уголовно наказуемых нарушений антимонопольного законодательства в отечественном уголовном законе на сегодняшний день ограничен законодателем *исключительно ограничением конкуренции путем заключения картельного соглашения*¹⁰. Учитывая формулировку «*соглашения, запрещенного антимонопольным законодательством»*, содержащуюся в диспозиции ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, необходимо отметить, что запрещенными фактически являются как минимум пять различных видов антиконкурентных соглашений, не считая комбинированных соглашений, которые приводят одновременно к нескольким последствиям, обозначенным в п. 1—5 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции Российской Федерации.

В свою очередь, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 245 УК РБ, выражена исключительно в установлении или поддержании *монопольных цен* путем сговора индивидуальных предпринимателей или должностных лиц юридических лиц о деятельности на совместном рынке.

«*В 2018—2019 гг. в рамках взятого “курса на либерализацию законодательства”, а также в связи с отсутствием практического применения <...>, — пишет А.А. Трипузова, — был декриминализован ряд составов преступлений, предусматривающих ответственность за нарушение антимонопольного законодательства (ст. 244 УК), ограничение конкуренции (ст. 247 УК), незаконное использование и дискредитацию деловой репутации конкурента (ст. 248—249 УК)»* [19, с. 217].

При этом в отношении действующей ст. 245 УК РБ важно отметить, что ст. 20 Закона Республики Беларусь «*О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»*, устанавливая запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов, содержит последствия, аналогичные тем, что изложены в ст. 11 Федерального закона «*О защите конкуренции»* (далее — Закона о защите конкуренции) (за исключением повышения, снижения или поддержания цен на торгах). Таким образом, белорусский законодатель обозначает в качестве наиболее общественно опасных исключительно такие соглашения, которые

⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252@sub_id=2210000&pos=3452;-36#pos=3452;-36 (Дата обращения: 24.02.2023).

⁶ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԶՐԵՊԱՄԱՆՈՐԵՄԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆԸ // URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=153080> (Дата обращения: 26.02.2023). **Вступил в силу с 1 июля 2022 г.**

⁷ Уголовный кодекс Республики Беларусь // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (Дата обращения: 24.02.2023).

⁸ Уголовный кодекс Кыргызской Республики // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34350840 (Дата обращения: 24.02.2023).

⁹ Необходимо отметить, что и ранее действовавшие редакции ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации также именовались иначе в связи с обозначенной причиной — «*Монополистические действия и ограничение конкуренции»* в период с 1997 по 2003 г., «*Недопущение, ограничение или устранение конкуренции»* с 2003 по 2015 г.

¹⁰ При этом первоначальный текст законопроекта, закрепившего соответствующие изменения ст. 178 УК РФ, предусматривал более широкий перечень, содержащий, в том числе, неоднократное злоупотребление доминирующим положением путем установления и (или) поддержания монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованного отказа или уклонения от заключения договора, ограничения доступа на рынок. Указанные положения были исключены из текста проекта во втором чтении (см. Федеральный закон № 45-ФЗ «*О внесении изменений в ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации»*).

приводят к установлению или поддержанию цен, не криминализируя иные виды картельных соглашений.

В связи с особенностями конструирования указанного состава в Республике Беларусь возникает вопрос — могут ли быть квалифицированы по указанной статье действия конкурентов, заключивших соглашение о, например, повышении цен, при условии, что такие субъекты не занимают доминирующее положение на соответствующем товарном рынке?

Некоторые исследователи отвечают на этот вопрос утвердительно. *«Сговор об установлении или поддержании монопольных цен означает достижение соглашения между двумя и более субъектами хозяйствования о единых для участников сговора монопольных ценах на товары и услуги, обращаемые на совместном рынке, —* отмечает Ю.В. Скобелева, *— для привлечения к уголовной ответственности по данной статье не имеет значения, занимают ли сговорившиеся субъекты доминирующее положение или нет»* [14, с. 59].

Вместе с тем законодательство Республики Беларусь не содержит понятия *«монопольная цена»*, вместо этого оперируя понятиями *монопольно высокой цены* и *монопольно низкой цены*; так, например, под первой понимается цена, установленная хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение, если эта цена превышает сумму необходимых для изготовления (производства) и (или) реализации товара расходов и прибыли, а также превышает цену, которая сформировалась в условиях конкуренции на товарном рынке, сопоставимом по составу продавцов или потребителей товара, условиям обращения товара на товарном рынке, условиям доступа на товарный рынок, государственному регулированию, включая налогообложение и таможенно-тарифное регулирование, при наличии такого рынка на территории Республики Беларусь или за ее пределами.

На эту коллизию, говоря о затрудненной выполнимости условий наступления ответственности, указывает А.А. Трипузова: *«ответственность по ст. 245 УК РБ может наступить за установление или поддержание монопольных цен лишь при наличии сговора индивидуальных предпринимателей или должностных лиц юридических лиц о деятельности на совместном рынке. Соответственно, каждое из этих условий, а равно и ряд других подлежит доказыванию. Например, согласно ст. 9 Закона монопольной считается цена, установленная хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение»* [19, с. 218].

С учетом изложенного, использованная в анализируемой статье Уголовного кодекса Республики Беларусь формулировка вряд ли может быть признана достаточно однозначной и способствующей правильной квалификации соответствующих действий. Вместе с тем определение в качестве уголовно наказуемых исключительно таких картельных соглашений, которые тем или иным образом влияют на цены (тарифы), по нашему мнению, может быть весьма полезно, в том числе при совершенствовании

отечественного уголовного законодательства, как минимум в силу того, что отечественное правоприменение однозначно свидетельствует о том, что картельные соглашения, *не связанные с влиянием на цены или тарифы*, практически не встречаются. Сказанное приводит к обоснованному, на наш взгляд, вопросу — есть ли в таком случае смысл криминализовать широкий перечень различных картельных соглашений и все ли из них обладают достаточной степенью общественной опасности?

Иной подход к указанному вопросу продемонстрирован законодателями Республики Армения, Кыргызской Республики и Республики Казахстан.

Так, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 284 УК РА¹¹, выражена в ограничении, недопущении или устранении конкуренции в результате 1) координации хозяйственной деятельности либо 2) заключения антиконкурентного соглашения, либо 3) злоупотребления монопольным или доминирующим положением, либо 4) недеklarирования концентрации, либо 5) осуществления запрещенной концентрации.

Статья 216 УК КР, в свою очередь, запрещает 1) установление и поддержание монопольно высоких цен или монопольно низких цен и 2) ограничение конкуренции путем сговора или согласованных действий, направленных на раздел рынка, ограничение доступа на рынок, устранение с него других субъектов экономической деятельности, установление или поддержание единых цен.

Таким образом, законодательство обеих указанных стран, во-первых, содержит уголовно-правовые запреты на достаточно широкий перечень нарушений антимонопольного законодательства (различные формы злоупотребления доминирующим положением и все виды картельных соглашений, согласованные действия / запрещенная координация), а во-вторых, демонстрирует подход, свойственный и отечественному законодательству при конструировании первоначальных редакций ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, от которого позднее, вполне обоснованно на наш взгляд, было принято решение отказаться [15].

Наиболее широкий среди исследуемых уголовных законов перечень запрещенных действий содержится в Уголовном кодексе Республики Казахстан, ст. 221 которого на сегодняшний день запрещает: 1) установление и (или) поддержание субъектами рынка монопольно высоких (низких) или согласованных цен; 2) установление ограничений на перепродажу купленных у субъекта рынка, занимающего доминирующее или монопольное положение, товаров (работ, услуг) по территориальному признаку, кругу покупателей,

¹¹ Соответствующие изменения в текст указанной статьи внесены в 2022 г., в том числе в связи с тем, что использованные в ранее действовавшей ст. 195 Уголовного кодекса Республики Армения формулировки «не соответствуют установленным Законом [Закон Республики Армения «О защите экономической конкуренции» — Прим. авт.] понятиям, в результате чего могут возникнуть проблемы при квалификации этих деяний» [12, с. 47].

условиям покупки, количеству либо цене; 3) раздел товарных рынков по территориальному признаку, ассортименту товаров (работ, услуг), объему их реализации или приобретения, по кругу продавцов или покупателей; 4) *иные деяния, направленные на ограничение конкуренции.*

Вместе с тем, несмотря на широкий перечень запрещенных действий, в науке отмечается, что «*общее количество преступлений, связанных с монополистической деятельностью, в казахстанской государственной уголовной статистике составляет незначительную долю среди преступлений экономической направленности*» [9, с. 363; 2, 4], что весьма схоже с практикой применения ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации за весь период ее действия.

Существенная разница в подходах обнаруживается и при исследовании вопроса о законодательном определении момента окончания преступлений в странах — членах ЕАЭС.

Составы преступлений в зависимости от законодательной конструкции объективной стороны традиционно делятся на материальные и формальные. Законодательство Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Армения

содержит материальные составы в связи с закреплением в тексте соответствующих статей признаков объективной стороны преступления, выраженных в формулировках «*крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо извлечение дохода в крупном размере*» (Уголовный кодекс Российской Федерации), «*крупный ущерб гражданину, организации или государству либо извлечение субъектом рынка дохода в крупном размере*¹²» (Уголовный кодекс Республики Казахстан), «*извлечение дохода в крупном размере*» (Уголовный кодекс Кыргызской Республики) и «*крупный имущественный ущерб правам, свободам или законным интересам лица или организации либо законным интересам общества или государства либо в результате которого хозяйствующий субъект получил крупную прибыль*» (Уголовный кодекс Республики Армения).

При этом нельзя не отметить существенную разницу в определении сумм соответствующих показателей (табл. 1).

В свою очередь, в Республике Беларусь предусмотрены формальные составы преступления, которые считаются оконченными в момент совершения описанного в законе деяния.

Таблица 1. Сравнительная характеристика размеров дохода и ущерба как признаков антиконкурентных преступлений по УК государств — членов ЕАЭС¹³

Table 1. Comparative description of the amount of income and damage as signs of anticompetitive crimes under the Criminal Code of the EAEU member states

	Доход в крупном размере	Ущерб в крупном размере
Уголовный кодекс Российской Федерации	Доход, сумма которого превышает 50 млн руб.	Ущерб, сумма которого превышает 10 млн руб.
Уголовный кодекс Республики Казахстан	Доход, сумма которого превышает двадцать тысяч месячных расчетных показателей (около 11 676 604,03 руб.) ¹⁴	Ущерб, причиненный гражданину на сумму, в две тысячи раз превышающую месячный расчетный показатель, либо ущерб, причиненный организации или государству на сумму, в десять тысяч раз превышающую месячный расчетный показатель (около 5 838 302,02 руб.) ¹⁵
Уголовный кодекс Кыргызской Республики	Сумма, в десять тысяч раз превышающая расчетный показатель, установленный законодательством Кыргызской Республики, на момент совершения преступления (около 869 594,98 руб.) ¹⁶	
Уголовный кодекс Республики Армения	Сумма от 5 до 10 миллионов драмов (около 894 454,38—1 788 908,77 руб.)	До 5 миллионов драмов (около 894 454,38 руб.) ¹⁷

¹² К.М. Хутов особенно отмечает, что «казахстанский законодатель не только указывает субъекты, которым может быть причинен ущерб при совершении преступления, но и дифференцированно подходит к исчислению суммы ущерба — в зависимости от статуса потерпевшего» [22, с. 58].

¹³ Составлено автором.

¹⁴ Размер месячного расчетного показателя с 1 января 2023 г. равняется сумме 3450 тенге. Таким образом, для целей применения ст. 221 Уголовного кодекса Республики Казахстан под доходом в крупном размере на момент написания настоящей статьи понимается сумма, равная **69 000 000 тенге.** — Прим. авт.

¹⁵ 34 500 000 тенге.

¹⁶ Размер расчетного показателя с 1 января 2006 г. равняется сумме **100 сомов** в месяц. Таким образом, для целей применения ст. 216 Уголовного кодекса Кыргызской Республики под доходом в крупном размере на момент написания настоящей статьи понимается сумма, равная **1 000 000 сомов.**

¹⁷ Пункт 17 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Армения.

Здесь следует упомянуть, что «первоначальная» редакция ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации также предусматривала ответственность за формальный состав преступления, чем было обусловлено ее наиболее активное применение именно в период действия соответствующей редакции. Вместе с тем такой подход законодателя к конструированию соответствующего состава подвергался значительной критике [18, 5], в связи с чем, обоснованно на наш взгляд, еще в 2003 г. соответствующая статья отечественного уголовного закона была изложена в новой редакции, а закрепленные ею составы преступления трансформированы в материальные.

Конструирование формальных составов преступлений, посягающих на конкуренцию, подвергалось критике и зарубежными исследователями. Так, например, комментируя ст. 195 Уголовного кодекса Республики Армения («предшественницу» действующей ст. 284), Т.А. Маркосян, Д.А. Оганесян, Ш.С. Саргсян и А.Г. Микаелян отмечали, что «*предусмотренный состав преступления имеет формальный характер, что представляет собой слишком строгий подход к подобным действиям*» [12, с. 47].

Анализируя практику применения уголовно-правовых запретов различных посягательств на конкуренцию в Российской Федерации, следует признать обоснованным подход, при котором соответствующие составы преступлений конструируются как материальные, что позволяет исключить конкуренцию между нормами уголовного и административного и (или) отраслевого законодательства, установление в уголовном законе полностью дублирующей ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, а также четко очертить круг тех действий, которые обладают соответствующей для криминализации степенью общественной опасности.

Вместе с тем примечательно и существенное отличие в подходе кыргызского законодателя к конструированию соответствующего признака объективной стороны, выраженного исключительно в извлечении дохода в крупном размере (*без указания на ущерб*).

Правоприменительные проблемы, связанные с определением ущерба от посягательств на конкуренцию, не раз поднимались в отечественной литературе [11, с. 50—51; 7, с. 111], вместе с тем указанный признак до сих пор содержится в тексте ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации несмотря на то, что за более чем 20 лет действия указанной статьи нет ни одного примера, когда бы он использовался на практике.

Схожие проблемы свойственны и правоприменительной практике в Республике Казахстан. Согласно одному из решений Совета по защите прав предпринимателей и противодействию коррупции Национальной палаты предпринимателей «Атамекен» «*Отсутствие практики расследования преступлений о нарушениях законодательства о конкуренции (ст. 221 УК РК) напрямую связано с несовершенством конструкции этой ста-*

ти. Предусмотренная законом обязательность наступления последствий в виде причиненного крупного ущерба является практически недоказуемой»¹⁸.

С учетом изложенного, по нашему мнению, следует признать верным подход кыргызского законодателя, исключившего ущерб из признаков объективной стороны соответствующего состава преступления. Полагаем, что подобный подход может быть использован и в Российской Федерации при внесении изменений в ст. 178 УК РФ.

Определенный интерес представляет и произведенная законодателями стран ЕАЭС дифференциация уголовной ответственности за исследуемые преступления.

Законодательство всех стран — членов ЕАЭС содержит квалифицированные составы преступлений, связанных с посягательствами на конкуренцию, при этом особо квалифицированные составы обнаруживаются только в Уголовных кодексах Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Армения.

В качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в уголовном законодательстве стран — членов ЕАЭС использованы следующие:

1) *использование служебного (должностного) положения* (квалифицирующий в УК РФ, в УК РА — «с использованием должностных или служебных полномочий или вызванного ими влияния»);

2) *сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения* (квалифицирующий в УК РФ, особо квалифицирующий в УК РК);

3) *путем шантажа* (квалифицирующий в УК РА);

4) *причинившие особо крупный ущерб либо повлекшие извлечение дохода в особо крупном размере* (квалифицирующий в УК РФ¹⁹, УК КР — исключительно в части извлечения дохода по обозначенным выше причинам, особо квалифицирующий в УК РА²⁰);

5) *совершенные неоднократно* (квалифицирующий в УК РК);

6) *совершенные с применением насилия или с угрозой его применения* (квалифицирующий в УК РБ — «сопряженные с принуждением или применением насилия в отношении конкурентов», УК КР — «насилия, не опасного для жизни и здоровья», особо квалифицирующий в УК РФ, УК РК и УК РА);

¹⁸ Решение Совета по защите прав предпринимателей и противодействию коррупции Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» от 06.10.2017 г. № 7 // URL: [https://atameken.kz/uploads/content/files/%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%207%20%D0%BE%D1%82\(1\).pdf](https://atameken.kz/uploads/content/files/%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%207%20%D0%BE%D1%82(1).pdf) (Дата обращения: 24.02.2023).

¹⁹ Особо крупный доход — доход, сумма которого превышает 250 млн руб., особо крупный ущерб — ущерб, сумма которого превышает 30 млн руб. — Прим. авт.

²⁰ Особо крупный доход — сумма (стоимость), превышающая 10 млн драмов (свыше 1 788 908,77 руб.), имущественный ущерб в особо крупном размере — сумма 5 млн драмов (свыше 894 454,38 руб.). — Прим. авт.

7) *совершенные организованной (преступной) группой* (особо квалифицирующий в УК РК и УК РА).

Анализ представленных квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков свидетельствует о том, что *единственным признаком, использованным всеми законодателями*, является применение насилия (угроза применения). Вместе с тем и указанный, и иные обозначенные признаки не раз вызвали дискуссии как среди исследователей²¹, так и правоприменителей²². Отмеченное в очередной раз приводит к выводу о существенной рассогласованности соответствующих положений уголовных законов стран — членов ЕАЭС.

Дифференциация оснований уголовной ответственности за различные общественно опасные посягательства приводит, как правило, к соответствующей градации пределов такой ответственности. С учетом изложенного для целей нашего исследования важным представляется **сопоставление санкций, предусмотренных ст. 178 УК РФ, и карательных частей статей уголовных кодексов других стран — членов ЕАЭС.**

Так, исследуемыми статьями уголовных кодексов предусмотрены следующие виды наказаний за посягательства на конкуренцию:

1. *Штраф в качестве основного вида наказания* (ч. 1 ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации²³, ч. 1²⁴ и ч. 2 ст. 221 Уголовного кодекса Республики Казахстан, ч. 1 ст. 284 Уголовного кодекса Республики Армения, ч. 1 и ч. 2 ст. 245 Уголовного кодекса Республики Беларусь, ч. 1²⁵ ст. 216 Уголовного кодекса Кыргызской Республики);

2. *Штраф в качестве дополнительного вида наказания* (ч. 2 ст. 178 УК РФ, ч. 2 ст. 245 УК РБ);

3. *Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного наказания*²⁶ (ч. 2 ст. 245 УК РБ);

4. *Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания* (ч. 1 и ч. 2 ст. 178 УК РФ, ч. 2 ст. 221 УК РК, ч. 2 ст. 245 УК РБ);

5. *Принудительные работы в качестве основного вида наказания* (ч. 1 и ч. 2 ст. 178 УК РФ);

6. *Принудительные работы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного вида наказания* (ч. 3 ст. 178 УК РФ);

7. *Исправительные работы в качестве основного вида наказания* (ч. 1 и ч. 2 ст. 221 УК РК);

8. *Привлечение к общественным работам в качестве основного вида наказания* (ч. 1 и ч. 2 ст. 221 УК РК, ч. 1 ст. 284 УК РА);

9. *Арест в качестве основного вида наказания* (ч. 1 ст. 245 УК РБ);

10. *Ограничение свободы в качестве основного вида наказания* (ч. 1, ч. 2 и ч. 3 ст. 221 УК РК²⁷, ч. 1 и ч. 2 ст. 245 УК РБ²⁸, ч. 1 ст. 284 УК РА);

11. *Лишение свободы в качестве основного вида наказания* (ч. 1 и ч. 2 ст. 178 Уголовного кодекса РФ, ч. 1 и ч. 2 ст. 221 УК РК, ч. 2 ст. 235 УК РБ, ч. 1 ст. 216 УК КР, ч. 1, ч. 2 и ч. 3 ст. 284 УК РА);

12. *Лишение свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного вида наказания* (ч. 3 ст. 178 УК РФ);

13. *Конфискация имущества в качестве дополнительного вида наказания* (ч. 2 и ч. 3 ст. 221 УК РК).

Первое, на что следует обратить внимание, — суровость наказания за основной состав. Так, лишение свободы за преступления, предусмотренные первыми частями соответствующих статей, предусмотрено в Российской Федерации (на срок до 3 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания), в Республике Казахстан (на срок до 1 года) и в Кыргызской Республике (от 2 лет 6 месяцев до 5 лет со штрафом), в Республике Армения (на срок до 3 лет). Таким

²¹ Так, например, Т.Д. Устинова обоснованно, на наш взгляд, отмечает, что «достаточно сложно представить ситуацию, при которой лица — представители хозяйствующих субъектов непосредственно принимают участие в уничтожении имущества или применяют к конкуренту насилие. Причем такие деяния вовсе не свойственны и не нужны для ограничения конкуренции, которая достигается рядом действий экономического характера (повышение или снижение цен, отказ от продукции какого-либо поставщика и т.п.)» [20].

²² См., например: Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7> (Дата обращения: 26.02.2023).

²³ От 300 000 до 500 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период от одного года до двух лет.

²⁴ В размере до одной тысячи месячных расчетных показателей (3 450 000 тенге или около 583 791,8 руб.).

²⁵ От 260 000 до 300 000 сомов или от 226 079,83 руб. до 260 861,34 руб.

²⁶ Именно этот вид наказания (наравне с *сопоставимым с ним административным наказанием в виде дисквалификации*) называется некоторыми исследователями важнейшим инструментом предупреждения посягательств на конкуренцию [6, 10].

²⁷ Ограничение свободы в Республике Казахстан состоит в установлении пробационного контроля за осужденным на срок от шести месяцев до семи лет и привлечении его к принудительному труду по сто часов ежегодно в течение всего срока отбывания наказания. Ограничение свободы *отбывается по месту жительства осужденного без изоляции от общества* (ст. 44 УК РК). — *Прим. авт.*

²⁸ В Республике Беларусь ограничение свободы состоит в наложении на осужденного обязанностей, ограничивающих его свободу, и нахождении его в условиях осуществления за ним надзора органами и учреждениями, ведающими исполнением наказания. Наказание в виде ограничения свободы назначается с *направлением в исправительное учреждение открытого типа*. С учетом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, наличия у него постоянного места жительства *суд может назначить наказание в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа* (ст. 55 УК РБ). — *Прим. авт.*

образом, санкция, предусмотренная за основной состав преступного посягательства на конкуренцию, в законодательстве Кыргызской Республики является наиболее суровой по сравнению с законодательством иных стран ЕАЭС, причем не только за счет более высокого верхнего предела наказания в виде лишения свободы, но и за счет установления нижнего предела соответствующего наказания, а также закрепления штрафа в качестве обязательного дополнительного наказания.

Второе, что представляет несомненный интерес, — санкция в виде штрафа как основного вида наказания за основной состав предусмотрена законодателями всех стран — членов ЕАЭС, при этом размеры соответствующих штрафов значительно разнятся. Штраф в качестве основного вида наказания за квалифицированный состав предусмотрен законодательством Республики Казахстан и Республики Беларусь, российский и кыргызский законодатель используют его в качестве дополнительного факультативного вида наказания (ч. 2 ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации) или дополнительного обязательного вида наказания (ч. 2 ст. 216 Уголовного кодекса Кыргызской Республики), в качестве санкции за особо квалифицированный состав штраф не применяется ни в одном из государств — членов ЕАЭС.

Кроме того, нельзя не отметить и использование конфискации имущества в качестве дополнительного вида наказания, значительно выделяющее законодательство Республики Казахстан на фоне законодательств иных стран — членов ЕАЭС.

Соответствующий вид наказания на сегодняшний день не предусмотрен в отношении преступления, записанного ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации²⁹, вместе с тем в последние годы появляются прецеденты, когда незаконно полученный доход взыскивается в доход государства по требованиям прокуратуры³⁰. При этом, учитывая специфику уголовно наказуемых посягательств на конкуренцию, возможно, именно установление конфискации в качестве дополнительного вида наказания могло бы служить одним из действенных способов превенции соответствующих действий³¹.

²⁹ См. ст. 104.1 УК РФ. Напомним, что в отечественной истории имелись прецеденты использования конфискации в качестве санкции за антиконкурентные сговоры — такое наказание, например, было предусмотрено Сенатским указом «О продаже съестных припасов во всех городах по умеренным ценам и о воспрещении перекупа, пригоняемого в С. Петербург скота и привозимых окрестными жителям припасов и продуктов» (Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г. — Т. 7. — Кн. 1 (1723—1727). — СПб. Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии. — 1830. — № 4634. — С. 402—403) [16].

³⁰ См., например: Советский районный суд Владивостока вынес прецедентное решение по иску Генеральной прокуратуры // URL: <https://fas.gov.ru/news/29487> (Дата обращения: 24.02.2023).

³¹ Указанный вопрос является темой самостоятельных исследований, здесь отметим только, что в науке не раз подчеркивалась эффективность механизмов «финансовых» санкций в противодействии антиконкурентным соглашениям [1, 3].

В-четвертых, примечателен и самый суровый вид наказания, предусмотренного санкциями соответствующих статей, особенно на фоне продолжающихся дискуссий об ужесточении уголовной ответственности за антиконкурентные соглашения в Российской Федерации.

Наиболее суровыми, если судить по верхнему пределу наказания, следует признать законодательства Республики Беларусь и Кыргызской Республики, которыми предусмотрены достаточно высокие пределы наказания (до 7,5 года лишения свободы по ч. 2 УК КР, до 7 лет лишения свободы по УК РБ). Кроме того, оба кодекса также содержат нижние пределы наказаний в соответствующих частях (от 3 лет в Республике Беларусь, от 5,5 года в Кыргызской Республике). Разница заключается в том, что белорусский законодатель предусматривает штраф в качестве дополнительного факультативного наказания наравне с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в то время как в Кыргызской Республике штраф предусмотрен в качестве дополнительного обязательного наказания. При этом нельзя забывать о том, что законодательством Республики Беларусь, в отличие от Кыргызской Республики, предусмотрен формальный состав преступления.

Нижний предел наказания за соответствующее преступление предусмотрен и законодательством Республики Армения. Так, наказание, предусмотренное ч. 3 ст. 284, — лишение свободы на срок от 3 до 6 лет.

На этом фоне отечественное законодательство выглядит более «либеральным», так, максимальное наказание за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, — лишение свободы на срок до 7 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Как видно, российский законодатель не стал устанавливать нижний предел указанного наказания, вместе с тем предусмотрел дополнительное обязательное наказание.

В свою очередь, законодательством Республики Казахстан предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет с дополнительным факультативным наказанием в виде конфискации имущества за совершение особо квалифицированного состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 221 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Исследуя санкции норм об ответственности за различные преступные посягательства на конкуренцию, требуется проанализировать и категоризацию тяжести таких преступлений, произведенную законодателями стран — членов ЕАЭС (табл. 2).

Несмотря на очевидные из представленной таблицы различия в отнесении тех или иных деяний к категориям небольшой и средней тяжести или тяжким преступлениям, следует отметить, что указанные различия, вероятно, объясняются не столько различным отношением законодателей стран — членов ЕАЭС к соответствующим деяниям, сколько разницей в подходах к дифференциации ответственности.

Таблица 2. Сравнительная характеристика категорий тяжести антиконкурентных преступлений по УК государств — членов ЕАЭС³²

Table 2. Comparative description of the categories of severity of anticompetitive crimes under the Criminal Code of the EAEU member states

	Небольшой тяжести ³³	Средней тяжести	Тяжкое преступление	Особо тяжкое преступление
ч. 1 ст. 178 УК РФ		✓		
ч. 2 ст. 178 УК РФ			✓	
ч. 3 ст. 178 УК РФ			✓	
ч. 1 ст. 221 УК Республики Казахстан	✓ ³⁴			
ч. 2 ст. 221 УК Республики Казахстан		✓ ³⁵		
ч. 3 ст. 221 УК Республики Казахстан			✓ ³⁶	
ч. 1 ст. 284 УК Республики Армения		✓ ³⁷		
ч. 2 ст. 284 УК Республики Армения		✓		
ч. 3 ст. 284 УК Республики Армения			✓ ³⁸	
ч. 1 ст. 245 УК Республики Беларусь	✓ ³⁹			
ч. 2 ст. 245 УК Республики Беларусь			✓ ⁴⁰	
ч. 1 ст. 216 УК Кыргызской Республики		✓ ⁴¹		
ч. 2 ст. 216 УК Кыргызской Республики			✓ ⁴²	

Так, например, применение насилия использовано законодателями Российской Федерации, Республики Армения, Республики Казахстан в качестве особо квалифицирующего признака соответствующих деяний, в то время как законодатели Республики Беларусь и Кыргызской Республики рассматривают аналогичный признак в качестве квалифицирующего. При этом и те, и другие составы преступлений отнесены всеми законодателями стран — членов ЕАЭС к категории тяжких преступлений.

В завершении настоящей статьи нельзя оставить без внимания и различные подходы к **закреплению специ-**

альных оснований для освобождения от уголовной ответственности за посягательства на конкуренцию, произведенному в странах — членах ЕАЭС.

Действующая редакция ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации содержит примечание следующего содержания: «лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию,

³² Составлено автором.

³³ В связи с особенностями формулирования соответствующих статей, предусматривающих категории (классификацию) преступлений в уголовных кодексах, к этой категории мы отнесли и преступления, которые по Уголовному кодексу Республики Беларусь отнесены к категории «преступление, не представляющее большой общественной опасности», а также то, которое, согласно УК КР, отнесено к категории «менее тяжкое преступление». — *Прим. авт.*

³⁴ Умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы (ч. 2 ст. 11 УК РК). — *Прим. авт.*

³⁵ Умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы (ч. 3 ст. 11 УК РК). — *Прим. авт.*

³⁶ Умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает двенадцати лет лишения свободы (ч. 4 ст. 11 УК РК). — *Прим. авт.*

³⁷ Деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы (ч. 3 ст. 17 УК РА). — *Прим. авт.*

³⁸ Деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы (ч. 4 ст. 17 УК РА). — *Прим. авт.*

³⁹ Умышленные преступления и преступления, совершенные по неосторожности, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет или иное более мягкое наказание (ч. 2 ст. 12 УК РБ). — *Прим. авт.*

⁴⁰ Умышленные преступления, за которые предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двенадцати лет (ч. 4 ст. 12 УК РБ). — *Прим. авт.*

⁴¹ Преступления, за которые может быть назначено наказание, не связанное с лишением свободы, либо в виде лишения свободы на срок не более пяти лет (ч. 2 ст. 19 УК КР). — *Прим. авт.*

⁴² Преступления, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти, но не более десяти лет (ч. 3 ст. 19 УК КР). — *Прим. авт.*

возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Предусмотрены специальные основания для освобождения от ответственности за монополистические действия и в уголовных кодексах Республики Казахстан и Кыргызской Республики. *«Лицо, впервые совершившее деяние <...> освобождается от уголовной ответственности в случае добровольного возмещения ущерба»* — в Республике Казахстан и *«в случае добровольного возмещения причиненного ущерба лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности и наказания»* — в Кыргызской Республике. При этом обнаружить схожие основания в законодательстве Республики Армения и Республики Беларусь нам не удалось.

Вместе с тем, несмотря на наличие указанного основания в тексте отечественного уголовного закона, какой-либо практики его применения на сегодняшний день не имеется в связи с тем, что лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности в случаях, если оно, в том числе, возместило *причиненный ущерб* или перечислило в федеральный бюджет *незаконно полученный в связи с этим доход*. Таким образом, в случае заключения и реализации уголовно наказуемого антиконкурентного соглашения в Российской Федерации для освобождения от ответственности требуется возместить *весь ущерб*, причиненный преступлением, или *весь доход*, полученный всеми участниками, что и делает применение примечания три не используемым на практике⁴³.

С этих позиций вряд ли можно признать успешной и формулировку специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, использованную в законодательстве Республики Казахстан, особенно с учетом ранее обозначенных проблем с определением ущерба от монополистической деятельности. Более того, указанные формулировки выглядят еще более невозможными для использования по сравнению с использованной отечественным законодателем в связи с тем, что выделяют в качестве соответствующего основания *исключительно возмещение ущерба*.

С учетом изложенного, по нашему мнению, на сегодняшний день законодателями стран ЕАЭС не выработан оптимальный подход к конструированию соответствующих оснований освобождения от ответственности за уголовно наказуемые посягательства на конкуренцию, в связи с чем исследования в этой области остаются по-прежнему весьма актуальными [17].

⁴³ Уместным на наш взгляд в этой связи будет процитировать точку зрения М.Д. Шаргородского, который отмечал: *«чтобы наказание было действенным, необходимо, чтобы оно распространялось только на виновного, чтобы оно было справедливо, чтобы оно было рационально»* [8, 22, с. 434]. Полагаем, что аналогичные принципы должны быть применимы и к указанному специальному основанию освобождения от уголовной ответственности.

Выводы

Проведенный в статье сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на конкуренцию в государствах — членах ЕАЭС, позволяет сделать следующие выводы.

1. Уголовное законодательство государств — членов ЕАЭС в части регламентации оснований уголовной ответственности за антиконкурентные соглашения на сегодня не приведено к единому знаменателю и, несмотря на многие сходства, обладает весьма существенными различиями⁴⁴.

2. Наиболее «узко» объективная сторона преступных посягательств на конкуренцию сформулирована в уголовном законе Республики Беларусь, в свою очередь наибольшее число составов преступления предусмотрено ст. 221 УК Республики Казахстан, предусматривающей ответственность не только за различные формы ограничивающих конкуренцию соглашений, но и за широкий круг иных действий (криминализация иных [т. е. *помимо антиконкурентных соглашений*] антиконкурентных действий свойственна и законодателям Республики Армения и Кыргызской Республики). При этом, по нашему мнению, подход белорусского законодателя, выраженный в определении уголовно наказуемыми исключительно таких картельных соглашений, которые тем или иным образом влияют на цены (тарифы), может быть весьма полезен, в том числе при совершенствовании отечественного уголовного законодательства.

3. С учетом правоприменительных сложностей при определении ущерба от уголовно наказуемых посягательств на конкуренцию, свойственных всем странам ЕАЭС, следует признать верным подход киргизского законодателя, исключившего ущерб из признаков объективной стороны соответствующего состава преступления. Полагаем, что подобный подход может быть использован и в Российской Федерации при внесении изменений в ст. 178 УК РФ.

4. Анализ квалифицированных и особо квалифицированных составов исследуемых преступлений свидетельствует о том, что единственным признаком, использованным всеми законодателями стран — членов ЕАЭС, является применение насилия или угроза его применения.

5. Санкция, предусмотренная за основной состав преступного посягательства на конкуренцию, в законодательстве Кыргызской Республики является наиболее суровой по сравнению с законодательством иных стран ЕАЭС, причем не только за счет более высокого верхнего предела наказания в виде лишения свободы, но и за счет установления нижнего предела соответствующего наказания, а также закрепления штрафа в качестве *обязательного* дополнительного наказания.

⁴⁴ При этом, как отмечают С.В. Максимов и К.А. Утаров, *«реализация уголовной политики защиты конкуренции в России (как и в других государствах — членах ЕАЭС) в силу ряда причин <...> не может успешна без выработки единой или как минимум скоординированной уголовной политики всего Евразийского экономического союза в этой сфере»* [11, с. 55; 13].

6. Использование конфискации имущества в качестве дополнительного вида наказания значительно выделяет законодательство Республики Казахстан на фоне законодательств иных государств — членов ЕАЭС. Учитывая специфику уголовно наказуемых посягательств на конкуренцию, установление конфискации в качестве *дополнительного, возможно, факультативного*, вида наказания, на наш взгляд, может служить одним из действенных способов превенции соответствующих действий.

7. Наиболее суровым, если судить по верхнему пределу наказания за преступные посягательства на конкуренцию, следует признать законодательство Кыргызской Республики, которым предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 5,5 до 7,5 лет со штрафом (т. е. санкция содержит одновременно и нижний предел, а также дополнительное обязательное наказание). Сходным образом сконструированы и соответствующие санкции в законодательстве Республики Беларусь (с учетом формального состава преступления) и Республики Армения.

8. Различия в отнесении тех или иных преступлений, связанных с ограничением конкуренции, в странах — членах ЕАЭС к категориям небольшой и средней тяжести или тяжким преступлениям, вероятно, объясняются не столько различным отношением законодателей к соответствующим деяниям, сколько разницей в подходах к дифференциации ответственности за такие преступления.

9. Анализ законодательств стран — членов ЕАЭС в части закрепления специальных оснований освобождения от уголовной ответственности за посягательства на конкуренцию свидетельствует об отсутствии «удачных» примеров конструирования подобных оснований. Несмотря на законодательное закрепление в некоторых государствах, входящих в ЕАЭС, возможности освобождения от уголовной ответственности, соответствующие основания являются на сегодняшний день практически невозможными к использованию, в связи с чем исследование указанного вопроса по-прежнему остается весьма актуальным. ■

Литература [References]

1. Posner R.A. Optimal Sentences for White-Collar Crime. *American Criminal Law Review*. 1980. Vol. 17. No 4 // URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2842&context=journal_articles (Дата обращения: 27.02.2023).
2. Айтжанов А., Холтурсунов К. «Казахстан» // Картели. Правоприменение, обжалование и возмещение вреда. Третье издание, опубликованное Глобал Лигал Групп. 2015. 184 с. [Aitzhanov A., Kholkursunov K. "Kazakhstan" // *Cartels. Enforcement, appeal and redress*. Third edition published by Global League Group. 2015. 184 p., (In Russ.)]
3. Акифьева А.А., Лысова Е.И. Ответственность за заключение картельных соглашений, связанная с лишением свободы: зарубежный опыт // *Закон*. 2019. № 2. С. 157—174 [Akifyeva A.A., Lysova E.I. Imprisonment for cartel conduct: international practices // *Закон*. 2019;(2):157-174, (In Russ.)]
4. Бисенғали Л. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия экономической преступности // Дисс. на соискание степени доктора философии (PhD), Республика Казахстан, Алматы. 2018. 133 с. [Bisenfali L. Criminal and criminological measures to counter economic crime // *Diss. for the degree of Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Kazakhstan, Almaty*. 2018. 133 p., (In Kaz.)]
5. Андреев А., Гордейчик С. Монополистические действия и ограничение конкуренции: вопросы квалификации // *Российская юстиция*. 1998. № 7. URL: <https://base.garant.ru/3540407/> (Дата обращения: 26.02.2023). [Andreev A., Gordeychik S. Monopoly actions and restriction of competition: qualification issues // *Russian Justice*. 1998. No. 7. URL: <https://base.garant.ru/3540407/> (Accessed: 26.02.2023), (In Russ.)]
6. Башлаков-Николаев И.В. Ответственность органов власти и их должностных лиц в сфере защиты конкуренции: Моногр. М. Статут, 2014. 111 с. [Bashlakov-Nikolaev I.V. Responsibility of authorities and their officials in the field of competition protection: *Monogr. M. Statut*, 2014. 111 p., (In Russ.)]
7. Жабагинов Р.А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции. Проблемы и перспективы развития // *Закон и право*. 2020. № 7. С. 109—113. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10334> [Zhabaginov R.A. Criminal liability for restricting competition: problems and prospects // *Law and Legislation*. 2020;(7):109-113, (In Russ.), <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10334>]
8. Жданов Н.М., Суменков С.С. Основания освобождения от административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства // *Административное право и процесс*. 2015. № 5. С. 28—32 [Zhdanov N.M., Sumenkov S.S. Grounds for liberation from administrative responsibility for violations of antimonopoly legislation // *Administrative Law and Procedure*. 2015;(5):28-32, (In Russ.)]
9. Копбаева Л.Ш. Объективная сторона преступлений, связанных с монополистической деятельностью // *Вестник КазНУ. Серия юридическая*. 2014. № 3. С. 362—367. [Kopbaeva L.S. Objective side crime connected with monopolistic activity // *KazNU bulletin. law series*. 2014;(3):362-367, (In Russ.)]
10. Крюков А., Трубинова Е., Москвитин О., Суслов Р. На пути к безальтернативной дисквалификации за нарушение антимонопольного законодательства // *Конкуренция и право*. 2015. № 6. С. 38—47. [Kryukov A., Trubinova E., Moskvitin O., Suslov R. On the way to disqualification, without other options, for violating antimonopoly legislation // *Competition and Law*. 2015;(6):38-47, (In Russ.)]
11. Максимов С.В., Утаров К.А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности. Монография / Под ред. В.П. Заварухина. М.: ИПРАН

- РАН. 2018. 80 с. [Maksimov S.V., Utarov K.A. Criminal policy in the field of competition protection: goals and opportunities. Monograph / Ed. V.P. Zavarukhin. M.: IPAN RAS. 2018. 80 p., (In Russ.)]
12. Маркосян Т.А., Оганесян Д.А., Саргсян Ш.С., Микаелян А.Г. Перспективы законодательной реформы в сфере защиты экономической конкуренции в Республике Армения // Конкуренция и антимонопольное регулирование в Евразийском экономическом союзе. 2020. № 1. С. 43—50. [Markosyan T.A., Hovhannisyanyan D.A., Sargsyan S.S., Mikaelyan A.G. Prospects for legislative reform in the field of protection of economic competition in the Republic of Armenia // Competition and antitrust regulation in the Eurasian Economic Union. 2020;(1):43-50, (In Russ.)]
  13. Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики: Монография / И.В. Башлаков-Николаев, Д.А. Гаврилов, А.Ю. Кинев и др.; отв. ред. С.В. Максимов, С.А. Пузыревский. М.: НОРМА, ИНФРА-М. 2016. 144 с. [Responsibility for violations of antimonopoly legislation: problems of theory and practice: Monograph / I.V. Bashlakov-Nikolaev, D.A. Gavrilo, A.Yu. Kinev et al. holes ed. S.V. Maksimov, S.A. Puzyrevsky. M.: NORMA, INFRA-M, 2016. 144 p., (In Russ.)]
  14. Скобелева Ю. В. Основы уголовного права. Уголовная ответственность за экономические преступления: курс лекций для студентов специальностей 1-20 01 07 «Экономика и управление на предприятии», 1-96 01 01 «Таможенное дело» дневной и заочной форм обучения / Ю.В. Скобелева. Минск: БНТУ, 2010. 79 с. [Skobeleva Yu.V. Fundamentals of criminal law. Criminal liability for economic crimes: a course of lectures for students of specialties 1-20 01 07 "Economics and management at the enterprise", 1-96 01 01 "Customs case" of day and correspondence forms of study / Yu.V. Skobeleva. Minsk: BNTU. 2010. 79 p., (In Russ.)]
  15. Тесленко А.В. Долгий путь к эффективной уголовно-правовой защите конкуренции в современной России: 30 лет реформ // Закон. 2021. № 5. С.101—124. [Teslenko A.V. Long way to effective criminal legal protection of competition in modern Russia: 30 years of reforms // Zakon. 2021;(5):101124, (In Russ.)]
  16. Тесленко А.В. Уголовная ответственность за картели: ретроспективный анализ отечественного законодательства // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 2 (22), 2020 С. 16—25, <https://doi.org/10.32686/2542-0259-2020-2-16-25>
  - [Teslenko A.V. Criminalization of cartels: a retrospective analysis of domestic legislation // Russian Competition Law and Economy. 2020;(2):16-25, (In Russ.) <https://doi.org/10.32686/2542-0259-2020-2-16-25>]
  17. Тесленко А.В. Уголовный закон на страже добросовестной конкуренции // Конкуренция и право. 2020. № 1. С.13—20. [Teslenko A.V. Criminal law on guard for good-faith competition // Competition and Law. 2020;(1):13-20, (In Russ.)]
  18. Тотьев К.Ю. Уголовная ответственность за монополистическую деятельность // Хозяйство и право. 1998. № 5, 6 [Totyev K. Yu. Criminal liability for monopolistic activities//Economy and law. 1998. № 5—6, (In Russ.)]
  19. Трипузова А.А. Конституционные нормы и уголовно-правовой запрет монополистической деятельности: проблемы реализации и зарубежный опыт // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2020. № 13. С. 215—225. [Trypuzova A.A. Constitutional standards and criminal legal ban of monopoly activities: problems of implementation and foreign experience // Problems of strengthening law and order: science, practice, trends. 2020;(13):215-225, (In Russ.)]
  20. Устинова Т.Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С.110—117. [Ustinova T.D. Protection of Freedom of Competition Under Criminal Law With Regard To Changes and Amendments to Criminal Law // Actual Problems of Russian Law. 2016;(7):110-117, (In Russ.)]
  21. Хутов К.М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование / Под ред.: Лопашенко Н.А. М.: Волтерс Клувер, 2007. 200 с. [Khutov K.M. Criminal monopoly: criminal-political and criminological research / Ed.: Lopashenko N.A. M.: Volters Kluver, 2007. 200 p., (In Russ.)]
  22. Шаргородский М.Д. Избранные труды по уголовному праву // СПб. 2007. 434 с. [Shargorodsky M.D. Selected works on criminal law // St. Petersburg. 2007. 434 p., (In Russ.)]

Сведения об авторе

Тесленко Антон Викторович: кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конкурентного права МГЮА им. О.Е. Кутафина, начальник Контрольно-финансового управления ФАС России⁴⁵
teslenko@fas.gov.ru

Статья поступила в редакцию: 28.02.2023
Одобрена после рецензирования: 20.03.2023
Принята к публикации: 22.05.2023
Дата публикации: 29.06.2023

The article was submitted: 28.02.2023
Approved after reviewing: 20.03.2023
Accepted for publication: 22.05.2023
Date of publication: 29.06.2023

⁴⁵ Позиция автора может не совпадать с официальной позицией ФАС России.